

НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ СО РАН

«Вся наука – в Сибири, а все деньги – в Москве»

Из выступления академика Н.Л. Добрецова

Меня подвигла к выступлению возникшая дискуссия, я хотел бы затронуть другую сторону обсуждавшейся проблемы. В своем докладе Николай Захарович Ляхов приводил кривую роста финансирования, которая, с одной стороны, говорит о том, что у нас в финансовой сфере все неплохо: финансирование растет, причем идут две параллельные линии — бюджетное и прочее финансирование, которое вот уже много лет постоянно и составляет 5 миллиардов. Сегодня общая сумма составляет около 20 миллиардов, а кривая внизу графика, то есть сумма, получаемая от госпрограмм, даже чуть-чуть снижается и показывает меньше, чем миллиард рублей. С одной стороны, повторяю, неплохо, что есть хоть какая-то прибавка, с другой — это было бы хорошо, если бы в Москве, в РАН не было бы всё с точностью до наоборот.

В прежние годы в СО РАН 50 % составлял бюджет, а 50 % мы зарабатывали сами, сегодня за счет того, что бюджетная кривая растет, а добавка — нет, она (добавка) составляет 23 %, с миллиардом будет 29 %. А в это время в Москве, где раньше бюджет составлял 70–75 %, а 25 % — добавка, сегодня эта самая добавка доходит до 50 %.

Здесь была приведена диаграмма распределения государственных программ. 85 % — Москва и Московская область, и 3 % — вся Сибирь. Сегодня добавка в бюджет в РАН составляет половину, как это когда-то было в СО РАН, за счет того, что все госпрограммы остаются в Москве.

Позиция руководства Академии наук и Правительства страны ясна: зачем отдавать деньги Сибири, когда можно их оставить в Москве. Я не хочу сравнивать науку здесь и там, в Москве тоже есть хорошие коллективы, вполне заслуживающие эти вложения, но присказка, которой закончил Гелий Александрович: «Вся наука — в Сибири, а все деньги — в Москве», становится все более злободневной. И конкурсы, когда лот заранее распределен, его еще не назвали, а имя победителя уже известно, иначе как «распиливанием» средств назвать нельзя. Подобное использование средств не то что несправедливо (это эмоциональная оценка), это просто неэффективная трата государственных денег. И пример с мегапроектами — это только иллюстрация к ситуации. Есть множество наших проектов, которые, по мнению многих, лучшие — «Супер чарм-тау фабрика» и т.д., но они далеко не в числе первых, и есть риск, что их так и не профинансируют, по тому же самому принципу — деньги должны оставаться в Москве.

И молчать по этому поводу мы не должны, нужно высказываться не только здесь, но и на Общем собрании в Москве, на оперативках у Осипова, на заседаниях бюро отделений и Общих собраний отделений, в печати. Эта ситуация требует корректировки. Я понимаю, что чудес не бывает, но бороться за то, чтобы деньги от федеральных программ распределялись более справедливо, надо.

Лично я не заинтересован ни в одном мегапроекте, но мой опыт работы (11 лет Председателем СО РАН и 7 лет первым заместителем Председателя) и жизненный опыт говорят о том, что если бороться за справедливость, то кое-что все-таки может получиться.

**Выступление Н.Л. Добрецова
прокомментировал А.Л. Асеев:**

— Это справедливо, мы действительно недорабатываем в этой ситуации, и Гелий Александрович об этом уже говорил. Могу сказать, что все усилия исправить сложившуюся ситуацию связаны с тем, что мы должны включиться в новую систему распределения средств по федеральным целевым программам, по программам министерств, ведомств и так далее, которая сложилась на рубеже 2005–2006 годов. СО РАН, к сожалению, не смогло в нее встроиться. Кстати, у нас внутри СО РАН существует точно такая же проблема: все деньги по интеграционным проектам и др., включая оборудование, идут в основном в Новосибирск, минуя периферию. Недавно я был в одном большом, знаменитом институте, входящем в состав Наук о земле, и когда я спросил, почему у них так плохо обстоят дела с финансированием, они прямо ответили — дорогу перекрывает Новосибирск. Все конкурсы проводятся здесь, в Новосибирске, приехать поучаствовать в них и поработать с экспертами они не в состоянии, и — результат налицо.

По той же самой модели строятся и наши взаимоотношения с Москвой: все федеральные целевые программы распределяются по конкурсу (или якобы по конкурсу), существуют направления, рабочие группы, руководители и так далее. Но наше благодушное и инертное мешают движению вперед, все попытки встряхнуть людей, чтобы они приняли участие в этих рабочих группах и научно-технических советах федеральных целевых программ, оборачиваются крахом: этим никто не хочет заниматься.

Например, в свое время я входил в научно-технический совет федеральной целевой программы, заседал в Росатоме, и это приносило довольно ощутимые доходы, но желающих меня заменить просто не на-

шлось. Все решается не с трибун, можно сколько угодно требовать, просить и, наверное, этим надо заниматься, но проблемы решаются на уровне исполнителей. Если, например, не будет рабочей группы в Институте солнечно-земной физики, которая будет 90 % времени работать в Москве и носить бумаги из одного кабинета в другой, из одного министерства в другое, не получится ничего. Мы опять потеряем годы. В этом и заключается основная проблема, как ее решать, не очень понятно, но без нашего тотального присутствия в Москве ситуацию не переломить. Нас в Москве никто и нигде не представляет, а москвичи есть везде и они участвуют во всем. Хотелось бы, чтобы это поняли наши сотрудники и особенно директора институтов. Находясь здесь, в Новосибирске, можно рассчитывать только на бюджет Академии наук и СО РАН. Хотите получать больше — работайте с полной выкладкой в тех организациях, где эти деньги распределяются.

Несмотря ни на что, позитивные примеры у нас существуют, хотя их не очень много — это те институты, которые были названы лидерами по финансированию. Я не согласен, что у нас все заморожено, на самом деле только в прошлом году произошел качественный рывок: так, например, у нас появилось два института, общий финансовый оборот которых составляет 2 миллиарда рублей, это ИЯФ и Томоцентр. Прошу заметить, что это не коммерческие предприятия, а академические институты! Появилось два института-миллиардника (чего не было за всю историю СО РАН) — Институт катализа и Институт физики полупроводников, и шесть институтов, имеющих оборот по полмиллиарда рублей в год. Интересно, что среди них есть биологический институт — Институт химической биологии и фундаментальной медицины, хотя у нас нет ни биологической промышленности, ни специальных программ, поддерживающих ее. И что самое интересное, среди этих шести находится гуманитарный институт — Институт археологии и этнографии, это результат деятельности академика Деревянко и его команды. Вот доказательство того, что когда люди грамотно ставят задачи и работают, у них все получается. Чудес не бывает, я очень прошу это понять. Пока в текущей работе, к сожалению, кардинально переломить ситуацию не получается, даже при очень хорошем отношении к СО РАН властных структур и Академии наук, нужны решительные шаги, иначе мы можем остаться при своих интересах.

Чтобы не ходить по кругу

Из выступления академика В.К. Шумного

Прежде всего Владимир Константинович отметил, что, слушая выступление академика Г.А. Жеребцова, очень ему сочувствовал: «Мы с ним вместе начинали строительство: я — вивария, он — своего Центра. Мне повезло больше, как говорится, помог случай. Но я понял одну простую вещь. При составлении каждого бюджета появляется еще одна бумага, называемая списком капитального строительства. И пока туда не попадешь, дело не сдвинется, все что касается денег — это их перераспределение внутри Академии наук. Но если создается серьезный объект, главная задача — обязательно войти в список капитального строительства. Здесь нужны хорошо протоптанные дорожки. А Гелий Александрович все ходит вокруг этого списка, и никак не может в него попасть. Так может еще пройти десять лет. Надо изменить ситуацию, иначе так и будем ходить по кругу.

По отчетному докладу председателя СО РАН академика А.Л. Асеева о работе Сибирского отделения в 2011 году и задачах на 2012 год: я с удовольствием его послушал. Но поразило одно — как освещены биологические науки. В Сибирском отделении 12 биологических институтов. Целый кластер наук, который задумывался М.А. Лаврентьевым и его сотрудниками как комплекс для изучения биологических ресурсов Сибири: лесов, почв, растительного и животного мира, экологии Сибири. А в докладе названы 4–5 работ одного института по молекулярной биологии.

На мой взгляд, следует более четко и тщательно отбирать материалы, которые попадают в доклад и выносятся на Общее собрание Отделения.

Биологи были в недоумении — собственно, ничего не было сказано о биологических ресурсах Сибири, с заботой о которых и были созданы 12 биологических институтов».

Комментарий ак. А.Л. Асеева:

— Относительно списка объектов капитального строительства. В своём докладе я пытался сказать о том, что после принятия Устава Академии наук потеряла право создавать за бюджетные деньги федеральную собственность. В Министерстве нам говорили: идите в Правительство и добивайтесь изменения статуса РАН. На это ушло три года. И только благодаря закону от 6 ноября прошлого года вернулось правовое поле, связанное с федеральной собственностью. Сейчас окно возможностей приоткрылось. И касается это не только мегапроектов, но есть и предложения по оборонке. Сдвинулось дело с БЦБК. Сама Э. Набиуллина уже спрашивала сколько денег требуется, чтобы наконец проблему решить. Но это тема для отдельного разговора.

Что касается доклада. Мне не впервые делают подобный упрек. Но замечу, что ориентируюсь на данные Объединенных ученых советов. Так что работайте с ОУСами.

О биологических ресурсах Сибири. Востребованность этого направления чрезвычайно мала, и надо вести соответствующую работу. В Алтайском крае, например, мне уже неудобно появляться — два или три года назад там в правительстве поставили перед нами жестко вопрос: в Алтайском крае нужен академический институт биотехнологий. Думаю, это проблема биологического сообщества.

Космос – передовой фронт науки

Из выступления члена-корреспондента РАН Н.А. Тестоедова, генерального конструктора и генерального директора ОАО «Информационные спутниковые системы» им. М.Ф. Решетнева.

Космос с наукой никогда особо не расходил, можно сказать, что это передовой фронт науки, и она всегда была востребована. Минувший год был для нас непростым: пять неудач — две аварии и три нерасчетных траектории. Но это не снижает в целом положительный результат работы. Напомню, что по итогам 2011 года Россия по-прежнему лидирует по количеству запусков, и это сегодня наиболее высокотехнологичная отрасль, а в прошлом году впервые была установлена орбитальная группировка системы ГЛОНАСС. Словом, космонавтика развивается.

Что беспокоит? Да, сегодня мы успешно работаем по стратегическим программам — федерально-космической, федерально-целевой программе ГЛОНАСС, государственной программе вооружений. Они утверждены до 2020 года, мы там занимаем очень достойное место, это гарантированная нагрузка. Вроде бы можно и нужно быть счастливыми. Но беспокоит то, что это всего-навсего до 2020 года — ведь для производства спутника это ничто. Спутник, конечно, можно сделать за четыре года, но целевая научная аппаратура создается десять-пятнадцать

лет. Поэтому мы попадаем в некий замкнутый круг. Дело в том, что государственные программы делаются с горизонтом 8–10 лет, и к моменту, когда они поднимаются и мы подписываем контракты, уже нет времени ни на фундаментальные, ни на прикладные разработки, которые могли бы быть в начале программы.

Понятно, что за ближайшие восемь лет все намеченное выполним, мы очень успешно работаем с институтами СО РАН, с ведущими вузами Красноярска, Томска. Но это не поможет нам сделать спутник «Миллиметр», антенна которого должна иметь диаметр 12 метров с отклонением в 10 микрон, а мы в прошлом году с огромным трудом сделали антенну диаметром 1,2 метра — то есть в 10 раз меньше — и 100 микрон. Получается, что решили проблему в 100 раз менее сложную, чем та, которая требуется в 2020 году. У меня четкое убеждение — технологическими методами эту задачу не решить, нужны другие принципы построения этой антенны, другие принципы тестировки (появилось понятие орбитальная тестировка, которой не было раньше) и т.д.

Сегодня я вышел на трибуну, потому что

прозвучало кое-что позитивное в докладах... Есть несколько разрозненных механизмов, используемых нами, и вот мы объединились и сделали технологическую платформу; их всего 27 в стране, из них 2 в Сибири, причем одна на базе нашего предприятия — с участием Сибирского отделения РАН и ведущих вузов нашего округа. Только что на Общем собрании я услышал интересное предложение — речь идет о так называемом «кластере кластеров». Нужна некая площадка «одного входа», пусть даже региональная, хотя наш округ — это гигантский регион. И все предприятия, которые работают для космонавтики, обороны, науки, навигации, связи, принимая каждый раз конструкторское задание, должны выйти на эту площадку и сказать: сейчас нужно решить одни проблемы, завтра — другие. И сформулировать потребности промышленности как кратко-, среднесрочные и перспективные задачи, иначе мы снова не успеем. Словом, хотелось бы, чтобы в протоколе нашего собрания было записано предложение по созданию под эгидой и на базе СО РАН единой площадки, назовем ее условно — кластер кластеров.